

Полина Бородина
theborodina@gmail.com
polinaborodina.com

Берлинский синдром

(Спасибо Артуру и Макс, что дотащили письменный стол! Он мне не пригодился)

1. Она умерла от

Накуренная гостиная. Открытая балконная дверь бьётся об угол стены от редких порывов ветра. На стенах висят криво приклеенные скотчем световые гирлянды. С люстры свисают бумажные оригами-вагины. Маркус, Лена, Сабина и Нора сидят в кругу: кто-то на зелёном потёртом диване, кто-то на подушках в ногах.

МАРКУС. Так! Играем в “главную проблему”!

НОРА. Вот мне проблем не хватало? Теперь ещё и главная!

МАРКУС. Разъясню правила: вы поджигаете рюмку с абсентом, пока он горит — рассказываете, какая у вас главная проблема, тушите и выпиваете. Понятно?

ЛЕНА. Всё что угодно ради рюмки абсента!

НОРА. Я начинаю понимать, почему в некоторых странах его запретили.

САБИНА. Я думала, запрещают только у нас.

НОРА. И они больше не кладут туда полынь, только анис.

ЛЕНА. Да уж.. Мир окончательно слетел с катушек.

МАРКУС. Ты собьёшь мне весь настрой! Это самый настоящий абсент! Зелёный, что вам ещё надо!? Всё, начинаем. Нора, ты первая.

НОРА. Давай я последняя? У меня примафобия.

Все с интересом смотрят на Нору.

НОРА. Страх быть на первом месте. Я даже фамилию свою поменяла в детстве, чтобы не быть первой в классном журнале.

МАРКУС. Нельзя в этом возрасте поменять фамилию без разрешения родителей. А я знаю твоих родителей, детка.

НОРА. Раскусил! Просто не хочу быть первой.

МАРКУС. Сабина?

САБИНА. Если что, это была твоя идея...

Маркус наливает Сабине рюмку абсента. Поджигает его. Сабина тушит абсент, выпивает.

САБИНА. Моя сестра без хиджаба выступила в Тегеране и... месяц назад пропала без вести. Я думаю, что её убили...

Все потускнели, смотрят на Сабину. Сабина дует на абсент, выпивает его залпом.

НОРА. Сабин, я...

ЛЕНА. Сочувствую.

МАРКУС. Слушайте, это была тупая идея... Давайте перемотаем.

САБИНА. То есть я просто так исповедовалась? Нет уж. *(Лене)*. Твоя очередь.

Лена берёт рюмку с абсентом. Маркус поджигает его. Лена смотрит на огонь.

ЛЕНА. Моему парню дали... а я не знаю, сколько лет ему дали! Суд проходил в Гомеле, в закрытом режиме. Статья 368-я — оскорбление президента Республики Беларусь. Недавно он перестал отвечать на письма.

НОРА. Кто-нибудь подскажет, зачем мы стали играть в эту игру?

МАРКУС. Ладно, раз уж я предложил..

НОРА. Давай, попробуй нас удивить!

Лена берёт рюмку с абсентом. Поджигает сам. Смотрит на огонь.

МАРКУС. Мою маму съела акула на красном море. В отпуске. Это было два года назад. Но я до сих пор не могу купаться. *(Выпивает рюмку)*. Даже в озере.

НОРА. Ты же говорил, она умерла от инфаркта.

ЛЕНА. Я думала, акулы едят только русских...

НОРА. Лена!

НОРА. Почему ты не рассказал? Почему ты не рассказал мне?

МАРКУС. Путёвку ей, кстати, подарил я — на день рождения.

ЛЕНА *(по-русски)*. Пиздец...

НОРА. Теперь, получается, я?

ВСЕ *(хором)*. Да.

Маркус поджигает рюмку с абсентом, ставит перед Норой. Она выпивает его залпом, забыв потушить абсент.

НОРА. ААА!

Нора хватается за горло.

ЛЕНА. У неё, похоже, ожог глотки. *(Маркусу)* Будем скорую вызывать или дашь ей ещё абсента?

МАРКУС. Я же сказал, что надо тушить!

НОРА. ААА!

ЛЕНА. Поздравляю, теперь у неё на одну главную проблему больше. *(Маркус)*. Чего сидишь, воды принеси!

Маркус приносит стакан воды. Лена гуглит что-то в телефоне. Приходит Маркус с водой, Нора выпивает стакан залпом. Все виновато смотрят на Нору.

САБИНА. Лежи, лежи.

МАРКУС. Кажется, она что-то хочет сказать.

Нора продолжает мычать звуки.

ЛЕНА. Мне тоже так кажется!

МАРКУС. Я знаю!

Маркус достаёт откуда-то бумажку с ручкой, даёт Норе.

ЛЕНА (по-русски). Не коммуналка, а блядский цирк.

Нора пишет что-то от руки. Протягивает бумажку Маркусу. Маркус рассматривает корявые печатные буквы. буквами написано:

МАРКУС (читая). МГП... (спрашивая у остальных) Что такое МГП? Это какой-то шифр?

ЛЕНА. Моя голубая пизда.

САБИНА. МГП это Моя Главная Проблема, Маркус!

МАРКУС. А! Точно! Итак! (Читает). Моя главная проблема (Выдерживает паузу). То есть её главная проблема...

ЛЕНА. Читай уже!

МАРКУС (читает). Я не могу влюбиться.

Все смотрят на Нору.

2. Моя страна предпочитает

Комната Норы. Нора и Маркус лежат рядышком на кровати. Нора листает Тиндер, Маркус заглядывает ей через плечо.

МАРКУС. Обещай, что не будешь ходить на свидания с западными немцами.

НОРА. Ты с ума сошёл, такое просить? Это шовинизм!

МАРКУС. Я из Лейпцига, так что строго говоря, это не шовинизм.

НОРА. Строго говоря! Ты судишь о людях по географии их проживания! Алло!

МАРКУС. Во-первых, не по географии проживания, а по географии рождения. А во-вторых... у них было другое детство! Беспроблемное и богатое. У них не было магнитофона «Алиса» и самосвала с ковшом.

НОРА. Маркус, у меня тоже не было магнитофона «Алиса»!

МАРКУС. Это неважно... Я про принцип.

НОРА. Ты выдаешь свой возраст этими... магнитофонами.

МАРКУС. Ну вот же был... симпатичный!

НОРА. Какой-то он слишком... ровный.

МАРКУС. А тебе нужен кто-нибудь с ПРЛ?

НОРА. С чем?

МАРКУС. С пограничным расстройством личности.

НОРА. В этом городе его выдают вместе с анмельдунгом.

МАРКУС. Тоже верно.. *(Глядя на экран)*. Нет, иранец тебе не подходит, у него ПТСР.

НОРА. Вот, посмотри. Красивый парень.

МАРКУС. Это украинец.

НОРА. И что?

МАРКУС. У него тоже ПТСР.

НОРА. А у меня разве нет ПТСР?

МАРКУС. Тем более! Ты приклеишься к нему, будешь его спасать. А он тебя будет мучить.

НОРА. Спасибо за прогноз.

МАРКУС. А ещё ты его никогда не поймёшь, потому что на твою страну, слава богу, никто не нападал!

НОРА. Моя страна предпочитает нападать первой...

МАРКУС. Это было давно, все уже забыли. А здесь — свежая травма.

НОРА. Маркус, я не понимаю! Айтишники и западные немцы недостаточно интересные для тебя, а беженцы и художники — все с диагнозами? Что ты мне предлагаешь?

МАРКУС. Зону Златовласки.

Нора пристально вглядывается в Маркуса.

НОРА. Ты что, мужиков со стульями сравниваешь?

МАРКУС. Почему сразу со стульями?

НОРА. Потому что когда Златовласка зашла в дом к медведям, её не устроили именно стулья!

МАРКУС. Не буду спорить, филолог у нас ты.

НОРА. Меня всегда смущала эта сказка про бабу, которая припёрлась в чужое жильё и ей всё не подходит! Стулья, кровати, каша!

МАРКУС. Я как-то сдавал квартиру на ARNBn, так все клиенты были такими! Один написал, что ручка в туалет неэргономичная. Рассчитывал, видимо, что она будет повторять контур его ладони.

НОРА. Только они деньги платили, а Златовласка — зашла без приглашения....

МАРКУС. С другой стороны, мужики ведь оценивают вас, женщин, как стулья? Почему ты не можешь поиграть с ними в ту же игру?

НОРА. Вот, смотри, русский, тебя устраивает?

На экране сияет мужчина с прозрачным пластиковым пакетом, в котором просвечивают банка пива. Он стоит на фоне магазина с живописным названием "Россия".

МАРКУС. Иисус Мария!

НОРА. Так, я удаляю это фигню. Что я буду говорить детям: у нас с твоим папой была любовь с первого свайпа? Тоска!

МАРКУС. Просто не заводи детей и всё! Они засоряют планету.

Нора продолжает свайпать парней.

МАРКУС. Вот, смотри какой! Медбрат. Значит, немножко видел жизнь.

НОРА. Что-то мне это напоминает...

МАРКУС. Феминист, к тому же. Давай! Даже если ничего не выйдет — хотя бы разблокируешься.

НОРА. Разблокируюсь?

МАРКУС. Господи, Нора, ты что, на женском не говоришь?

Нора свайпает парня вправо.

НОРА. Поздравляю, у нас мэтч.

МАРКУС. А я говорил! Абсолютно беспроблемный молодой человек, вот увидишь.

НОРА. Отто тоже был беспроблемным, пока...

МАРКУС. Я больше не хочу слышать это имя, Нора. Смотри, какая у него форма бровей! Прямо как у моего Дэниэля! Давай, напиши ему.

Нора наконец-то свайпает парня вправо.

НОРА. Как ты думаешь, почему он так поступил?

МАРКУС. Я не знаю, милая.

Маркус обнимает Нору.

3. Ты слишком хороший для

Нора и Тим выходят из шпэти¹, каждый с бутылкой пива в руках. Идут на небольшом расстоянии друг от друга, молчат.

ТИМ. Я на прошлой неделе собаку спас. Ветеринарное отделение было переполнено. У неё был отёк легких, я откачал жидкость, она задышала. Выжила.

НОРА. Потрясающе.

Молчат.

ТИМ. Если тебе не интересно, можем поговорить о чём-то другом.

НОРА. Нет, почему, очень интересно. Просто на твоём фоне я острее ощущаю свою... как это называется? Никчёмность?

ТИМ. А ты чем занимаешься?

НОРА. Я редактор в издательстве.

ТИМ. Вау, как круто!

НОРА. Обычная офисная работа.

ТИМ. Кем бы мы были без литературы? Биологическими артефактами?

НОРА. На прошлой неделе я редактировала роман парня из Мьянмы про геноцид мусульман, который устроили буддисты...

ТИМ. Я думал, буддисты — хорошие.

НОРА. Я тоже так думала.

Останавливаются у светофора.

ТИМ. Знаешь, когда я в детстве узнал, что черепашки — плотоядные, я долго переживал.

¹ киоск в Германии

НОРА. А ты вегетарианец?

ТИМ. Да.

НОРА. Потрясающе.

ТИМ. В этом нет ничего такого...

НОРА. Ладно, Тим, расскажи мне про свою тёмную сторону.

Переходят на другую сторону улицы. Идут в сторону парка.

ТИМ. Это как?

НОРА. Самый плохой поступок, который ты делал в жизни?

ТИМ (*думает*). Я... на прошлой неделе я взял у соседки проездной без спросу, когда свой потерял.

НОРА. Потрясающе.

ТИМ. Что-то не так?

НОРА. Нет, всё так.

ТИМ. Ну я же вижу...

НОРА. Ты не поймешь.

ТИМ. Почему, я пойму. Я умный.

НОРА. Не поймешь. Ты не воровал продукты в супермаркете, не изменял своему жениху в день свадьбы, не напивался в мечети.

ТИМ. А ты воровала?

НОРА. Нет.

ТИМ. Изменяла жениху?

НОРА. Тоже нет. И напивалась только во дворе протестантской церкви. Но я редактировала книжки, где воруют и изменяют. Я легко присваиваю чужой опыт.

ТИМ. Понятно.

Молчат.

НОРА. От меня ушёл муж, к украинской беженке.

ТИМ. Сочувствую.

НОРА. Мы взяли её, чтобы помочь как-то... Это была моя идея, он не хотел. А потом...

ТИМ. Наверное, это тяжело.. Вы общаетесь?

НОРА *(смеётся)*. Господи, да это история из романа! А ты повёлся!

ТИМ. Блин, ну это вообще-то... ну и шуточки у тебя!

НОРА. Неплохой сюжет, я согласна. Очень талантливая авторка из Харькова. *(Вздыхает)*.

ТИМ. Наверное, ты выгораешь — редактировать такие болезненные сюжеты.

НОРА. Да нет... Не знаю.

ТИМ. Извини, если перешёл черту неуместным вопросом.

НОРА. Черту? *(Ставит пустую бутылку на припаркованную машину)* Короче, Тим. Ты слишком хороший для второго свидания, извини. Просто ангел. Я не смогу соответствовать.

ТИМ. Я убивал людей.

Нора смеётся.

НОРА. А это из какого романа?

ТИМ. Это не из романа.

НОРА. А у тебя есть актёрские способности!

Нора смотрит в застывшее лицо Тима и перестаёт смеяться. Тим достаёт телефон. Вводит пароль цифрами. Потом ещё один, графический. Снимает очки, чтобы пройти фейс-айди. Наконец, показывает что-то Норе. Нора с удивлением смотрит через плечо Тима на экран.

НОРА. Это кто?

ТИМ. Это я.

НОРА. И что ты тут делаешь?

ТИМ. А не видно?

НОРА. Это в хороших людей прилетит или в плохих?

ТИМ. В людей. Главное, что это прилетит в людей.

Молчат.

НОРА. Ужас.

ТИМ. На территории Германии организация, в которой я воевал, считается террористической.

НОРА. Ты что, получается, террорист?

ТИМ. Получается.

Нора целует Тима.

НОРА. Никогда не целовала террориста.

4. Я слышал, они пытались

Маркус режет салат на кухне. Нора стоит рядом и подворовывает у него овощи.

НОРА. Нет, технически он, конечно, Зигфрид.

МАРКУС. В смысле?

НОРА. Ну, борется с драконом. Боролся.

МАРКУС. С каким нахрен драконом, Нора? Он поехал в Сирию воевать! У него не все дома!

НОРА. Ты упускаешь важную деталь!

МАРКУС. Ебать важную!

НОРА. Да, важную! Он поехал в Сирию воевать с ИГИЛ! Защищать женщин и детей.

МАРКУС. Вот только ты туда не поедь, пожалуйста!

НОРА. Я похожа на сумасшедшую?

МАРКУС. Я ни в чём не уверен.

НОРА. Ну кому-то же нужно спасти мир от ИГИЛ? Хотя это, конечно, что-то говорит об устройстве его психики...

МАРКУС. Bravo! Ты прозреваешь.

НОРА. А знаешь, почему эта организация признана в Германии террористической?

МАРКУС. Потому что они пуляют боеголовками?

НОРА. Нет, Маркус, потому что они курды! А мы дружим с Турцией! А Турция ненавидит курдов — убивает их, пытается и депортирует.

МАРКУС. А курды все из себя такие хорошие? Я слышал, они пытались взорвать Ай-Софию.

НОРА. Всех из себя таких хороших нет никого, Маркус! Как ты к своим сорока годам это ещё не понял!?

МАРКУС. Ладно, мне плевать на всё это — на курдов и на некурдов. Меня волнуешь ты.

Ты что, получается, влюбилась?

5. Что, совсем

Нора целует Тима. Он смотрит на неё ошалелыми глазами.

НОРА. Нет, ничего не чувствую.

ТИМ. Что, совсем ничего?

НОРА. Совсем ничего.

ТИМ. А я чувствую. Может ещё раз попробуем?

Тим целует Нору. Нора вырывается.

НОРА. У-у. Прости.

Нора бежит из темноты в темноту.

6. Ты должна была сразу

Кухня. Нора и Маркус сидят на столе. Нора ест, выбирая из салата только помидоры, Маркус застыл напротив с вилкой в руке.

МАРКУС. Так ты влюбилась или нет?

НОРА. Ты не читаешь мой твиттер?

МАРКУС. А ты написала об этом в твиттере? Надеюсь, ты опустила пикантные факты.

НОРА. Какие? Что у него язык, как у кошки — шершавый?

МАРКУС. Что он воевал в Сирии, фердамте шайзе!

НОРА. Я написала, как есть.

МАРКУС. С властями тебе ещё проблем не хватало, Нора.

НОРА. Ну это же не я ездила в Сирию...

МАРКУС. Лена говорит, что в России двух девушек посадили за пьесу о терроризме! Только вдумайся! За пьесу!

НОРА. Мы, слава богу, не в России.

МАРКУС. Никогда не знаешь, в России ты или нет — она стремительно расширяется.

НОРА. И пьесу я не писала. Только пост.

МАРКУС. Блять, Нора! Ты что, влюбилась В НЕГО?

НОРА. Нет. Ты почему не ешь?

МАРКУС. Слава тебе господи!

НОРА. То есть? Ты же этого так хотел!

МАРКУС. После того, как он сказал, что сидел в окопах в Сирии...

НОРА. Там не было никаких окопов, только пустыня...

МАРКУС. Не важно! Ты должна была сразу уйти! Сразу! И не оборачиваться. А ты его зачем-то поцеловала.

НОРА. Но у нас же цель, чтобы я что-то почувствовала, правильно? Я стараюсь, Маркус!

МАРКУС. Ты влюбишься в другого человека, Нора. В нормального человека.

Маркус ставит салат на стол. Они едят молча. На кухню заходит Сабина в плаще.

САБИНА. Её показали по телевизору. Она жива.

МАРКУС. Моя дорогая!

САБИНА. Они пытаются её. Я знаю.

НОРА. Сядь, поешь.

Сабина садится за стол. Маркус достаёт ещё одну тарелку, накладывает ей салат. Сабина блаженно улыбается. Ест. У Норы звонит телефон. Нора отвечает.

ГОЛОС. Фрау Либерман...

НОРА. Да... А это кто?

ГОЛОС. Криминальная полиция, сержант Вебер.

НОРА. Сержант Вебер?

ГОЛОС. У нас для вас важная информация. Можете заглянуть к нам в четверг, в полдень?

НОРА. Смогу.

Сабина отвлекается от еды. Нора кладёт телефон на стол. Теперь все смотрят на Нору. Долгая тишина. У Норы бряцает телефон.

НОРА (*натянута улыбаясь*). Новый мэтч!

Нора показывает Маркусу и Сабине экран телефона.

НОРА. Что думаете?

7. И каждая застряла в

Нора сидит напротив Ноя, между ними — шахматная доска.

НОЙ. Это глупый ход. Ферзь сейчас съест твою пешку, а потом ты поставишь коня под удар.

НОРА. Угу. Я пытаюсь придумать неглупый. Это сложно. Как в жизни.

НОЙ. Твоё время вышло.

НОРА. А мы можем играть без часов?

НОЙ. В этом весь смысл — играть с часами.

НОРА. Я и так каждый день играю с часами. Вовремя прийти на работу, оплатить в срок счета, ответить на письма.

НОЙ. Это превращается в пытку.

НОРА. Это была твоя идея. Ты знал, что я не умею.

НОЙ. Обычно на свиданиях, чтобы за чем-то спрятаться, люди бухают. Я — играю в шахматы. Мне кажется, это лучшая стратегия совладания со стрессом.

НОРА. Ясно. Я сходила.

НОЙ. Я вижу. Тебе шах.

НОРА. Супер. Я очень рада.

НОЙ. Это неспортивное поведение.

НОРА. Ты всегда так легко критикуешь малознакомых женщин?

НОЙ. Это подарок от мамы. Она родила троих, чтобы сравнивать каждого с двумя остальными не в его пользу. Я вырос и веду себя, как она. Поэтому у меня не клеится с женщинами.

НОРА. Я уважаю честность. В тебе что-то есть.

НОЙ. Тебе, кстати, мат.

НОРА. Наконец-то это закончилось!

Нора отодвигает от себя доску, Ной педантично расставляет фигуры по местам.

НОЙ. Я забыл сказать: я не сплю с женщинами, которым проигрываю.

НОРА. Своевременно. А ты кому-то проигрываешь?

НОЙ. Нет.

НОРА. Ясно.

Молчат.

НОРА. Ты часто играешь в шахматы?

НОЙ. С понедельника по воскресенье, с пяти до полуночи. *(Пауза)*. Это мой клуб.

НОРА *(оглядываясь)*. У тебя что, нет выходных?

НОЙ. Мне не нужны выходные от шахмат, выходные нужны только от людей.

На телефоне Ноя звенит будильник.

НОЙ. Муравейник закрывается. Пошли, поможешь собраться.

*Нора и Ной собирают по столам картонные шахматные доски, фигуры и часы.
Ной складывает это всё в необъятый рюкзак.*

НОРА. Слушай, у меня тоже есть одна игра, в которой мне надо выиграть.

НОЙ. Какая?

НОРА. Я хочу влюбиться, но не могу.

НОЙ. Ко всему можно применить научный подход.

НОРА. Что ты имеешь в виду?

НОЙ. Давай перемотаем на интересное место.

НОРА. Ты умеешь управлять...

Нора не успевает договорить, Ной щёлкает пальцами, они оказываются на полу в пустой квартире, повсюду — шахматные часы.

НОРА. ...временем?

Нора оглядывается и замечает, что все часы показывают разное время.

НОРА. Чувствую, будто меня столько же, сколько этих часов. И каждая застряла в своём вре...

Ной смотрит что-то в телефоне.

НОЙ. В каком застряла та, что говорит со мной?

НОРА (*шёпотом*). 14-е мая 2022-го года.

НОЙ. Что случилось 14-го мая?

НОРА. Ты говорил про научный подход. Я готова.

НОЙ (*уходя в телефон с головой*). Чат GPT считает, что влюблённость — это сочетание интереса, общности и тактильного контакта.

НОРА. Ты всю жизнь прогоняешь через чат GPT?

НОЙ (*нажимая на одних кнопку на шахматных часах*). Однажды целый год я проходил под чужим именем.

НОРА. В этом что-то есть.

Часы звенят.

НОЙ (*нажимая на кнопку часов*). Я считаю всех, кто по своей воле переехал в Берлин — сумасшедшими.

НОРА. Окей, у нас есть что-то общее. А тех, кто родился в нём, как я?

Часы звенят.

НОЙ. Без комментариев. (*нажимая кнопку на шахматных часах*). Сейчас я лизну твою коленку. Тактильный контакт.

Ной лижет коленку Норы.

НОЙ. Сработало?

Часы звенят.

НОРА. Щёкотно!

НОЙ. И всё?

НОРА. Ко мне никто не прикасался почти два года.

НОЙ. И?

НОРА. И.. *(Нора оглядывает себя с ног до туловища)* И всё.

НОЙ. Но мы же следовали инструкции...

НОРА. Инструкции врут?

НОЙ. Значит, мы что-то упустили.

НОРА. Я пойду?

НОЙ *(вскакивая)*. Боль!

НОРА. Причём тут боль?

НОЙ. Прикосновение к чужой боли завораживает. Я читал в одной статье...

НОРА. И какая...

НОЙ *(перебивая)*. Моя мать не звонила мне десять лет. В любой компании, где не играют в шахматы через пять минут я чувствую себя самым ненужным человеком на свете. Я боюсь эмоциональной близости, потому что меня бросали все, а я — никого не бросал.

НОРА. В соревновании по боли ты тоже предпочитаешь выигрывать?

НОЙ. Не знаю. *(Думает)*. Да.

НОРА. Тогда ты выиграл. У меня принимающая семья. Хорошая работа. Комфортная жизнь. Я не хочу говорить о боли.

НОЙ. Может быть, поэтому ничего не срабатывает?

НОРА. Не знаю.

Молчат.

НОЙ. Тогда, наверное, ничего не выйдет. Ты права. Иди, я не обижусь.

Молчат.

НОРА. Можно я ещё посижу? Хочу побыть с кем-то.. живым.

Молчат.

НОЙ. Ты недавно рассталась с парнем?

НОРА. Мне пора.

НОЙ. Хочешь поговорить с ним через меня?

НОРА. Это как?

НОЙ. Перенос, не слышала?

НОРА. Нет.

НОЙ. Это когда ты решаешь травму, которую нанёс тебе один человек при помощи другого.

НОРА. И заражаешь ей всех вокруг, как гриппом?

НОЙ. Так можно делать даже с умершими.

НОРА. Ну ничего себе! Знаешь, как-нибудь в следующий раз. Обязательно.

НОЙ. Напишешь мне?

НОРА. Тебе или другому человеку через тебя?

НОЙ. Без разницы! У меня низкий порог ожиданий.

НОРА. Можно я задам тебе один вопрос?

НОЙ. Конечно!

НОРА. Ты хочешь жить?

НОЙ. То есть? Как можно не хотеть жить, я не понимаю?

НОРА. Забудь. *(Пауза)*. Извини, Ной, ты не моя партия.

8. Не понимаете, что такое

Ночь. Нора аккуратно заходит домой, стараясь не шуметь. Дверь в кухню открыта, за столом при свете свечей сидит Лена, чистит картошку и складывает её в блестящую металлическую миску. В миску уже не вмещаются картофелины, но Лена продолжает их чистить.

НОРА. У нас какой-то картофельный праздник?

Лена молчит, продолжает чистить. Нора открывает холодильник, берет бутылку вина, ставит на стол.

ЛЕНА. Как ты думаешь, желать смерти человеку, который уже сидит в тюрьме — по-христиански?

НОРА. Никому нельзя желать смерти. Даже себе.

ЛЕНА. Представляешь, у Пашки есть любовница. И она тоже пишет письма ему в тюрьму. Писала.

НОРА. Рокировка.

ЛЕНА. Что? А потом она решила написать мне... “Мы же родные люди”, говорит. Представляешь?

НОРА. Родные? Это как?

ЛЕНА. Я не знаю, как это перевести на немецкий. Люди, которые, ну... как семья...

НОРА. Родственники?

ЛЕНА. Нет, родственники это другое. Родственники это когда ты сидишь за общим столом и терпеливоносишь шутки, от которых болит живот.

НОРА. А родные?

ЛЕНА. Родные это когда вы легко переносите обоюдное молчание.

Нора наливает вино себе и Лене.

НОРА. А зачем столько картошки?

ЛЕНА. Успокаивает. Мама всегда чистила картошку в экстренных ситуациях.

НОРА (*выпивая*). Теперь, чисто технически, ты можешь ему изменить. И это не будет предательством. Ты не обязана быть одной в эмиграции. Всюду плюсы.

ЛЕНА. Я и раньше могла. Просто я, кроме Пашки, никого не хочу. Он самый смелый, самый сильный и самый смешной, понимаешь? Берлинские мужики по сравнению с Пашкой — это как диснеевские мультики после документального кино.

НОРА. Ты не видела его уже два года, может, он изменился?

ЛЕНА. Человеческая начинка никогда не меняется.

НОРА. Мне кажется, не у всех есть начинка. У меня есть начинка?

ЛЕНА. Все эти курсы осознанности, попытки переписать свою личность, практики, аяуаски, медитации, кинки-вечеринки — это такие секс-игрушки для европейской фригидной жизни.

НОРА. В Берлине, Лена, тоже иногда случается жизнь. И мужики тоже случаются.

ЛЕНА. Я не хотела тебя обидеть. Просто мне до сих пор кажется, что у вас тут всё — ненастоящее. Красивое, ровное, гладкое, ненастоящее.

НОРА. А где настоящее, в камере, где твой Пашка спит? Там настоящее? А будущее где? Ты, Лена, заблудилась во времени. (*Молчит*) Как и я.

ЛЕНА. Что ей такого написать, чтобы она поняла: у нас с ним всё — навсегда, а у них — так, побаловаться?

НОРА. Почему тебе всегда кажется, что навсегда только там, где ты?

ЛЕНА. Зачем сейчас эти вопросы? *(Переходит на русский)*. У тебя муж не сидел, он сам ёбу дал, по своей воле... Пашка бы так никогда со мной не поступил! Вы, немцы, очень странные! Живёте в окружении эмигрантов, но ничего не понимаете! Не понимаете, что в мире происходит! Не понимаете, что такое настоящая любовь! Не понимаете, что такое настоящий ад! Не понимаете, что значит жизнь отдать за свои принципы!

НОРА. Я не понимаю. Я не понимаю этот язык, Лена.

ЛЕНА *(по-русски)*. Я об этом тебе и говорю!

Лена выходит из кухни, хлопнув дверью.

9. Я никогда ни в кого

Кабинет следователя. Нора сидит перед большим столом, который напоминает прилавок магазина с канцтоварами: степлеры, папки, бумаги, скрепки, ручки, стикеры, здесь есть всё. На другом конце стола сидит Вебер. Он кладёт перед ней бумагу, она её подписывает, не читая. Они молчат какое-то время.

НОРА. Его кто-то убил, да?

Вебер молча достаёт из выдвижного ящичка прозрачный пакет на молнии-застёжке, в котором лежит толстая, похожая на книгу, тетрадь.

НОРА. Я знала, что его кто-то убил.

Следователь молчит.

НОРА. Думаете, я его убила? Я тоже так думаю. Я думаю об этом каждый день с 14-го мая 2022 года. Что я не сделала, что не сказала, что не заметила...

Следователь молчит, поднимает на Нору глаза.

ВЕБЕР. Мы так не думаем. Я так не думаю.

НОРА. Человек не может просто так — взять и ...

ВЕБЕР. Статистика, фрау Альцгеймер, показывает, что в нашем городе так поступает 400 человек в год, а это полтора человека в сутки.

НОРА. Возможно, у этих людей есть стоящие причины. Настоящие. Моя соседка, Лена, ужасно любит это слово — настоящие. Сейчас много настоящих причин для... для этого, сержант Вебер. Война, диктатура, шовинизм, стихийные бедствия, неизлечимые болезни...

ВЕБЕР. Мы нашли кое-что. Нашла мать умершего. По закону о наследовании, это принадлежит вам.

Вебер нажимает на что-то в компьютере и принтер выдаёт несколько листов. Вебер вынимает их из принтера, кладёт перед Норой. Нора снова подписывает, их, не глядя. Вебер опять нажимает что-то на компьютере, принтер снова печатает листки. Нора их подписывает опять. Он достаёт из стола прозрачный пакет на молнии-застёжке, в котором лежит толстая тетрадка в твердой обложке, готовится передать его Норе, но принтер опять выплёвывает два листка.

НОРА. Представляете, херр Вербер, придут к власти зелёные и запретят эти ваши листочки?

ВЕБЕР. Это невозможно, фрау Альцгеймер. На этих листочках держится наше государство.

Нора подписывает и их. Следовательно, наконец, отдаёт ей пакет.

ВЕБЕР. Дневник вашего мужа.

Нора открывает пакет, достаёт из него тетрадку.

ВЕБЕР. Помните, что у вас есть право на бесплатную психологическую помощь.

НОРА. Я в порядке.

Нора внимательно смотрит на следователя, кладёт тетрадь в красный рюкзак.

НОРА. А когда вы в последний раз влюблялись, сержант Вебер?

ВЕБЕР. Я женат 20 лет, зачем мне влюбляться? Я никогда не влюблялся. Мой терапевт говорит, что у меня алекситимия — неспособность распознавать эмоции. Но мне кажется, она врёт, чтобы не создавать ощущение, что я упускаю что-то важное в жизни. Я не очень переживаю по этому поводу, фрау Альцгеймер, потому что любовь, очевидно, приводит к страданиям. А их, как вы правильно заметили, и так много в нашей жизни. И ваш случай — хороший тому пример. Я ответил на вопрос?

НОРА. Да.

Нора встаёт и идёт к двери.

ВЕБЕР. Вы ни в чём не виноваты, Фрау Альцгеймер.

Нора замирает на секунду, и, не оборачиваясь, выходит из кабинета.

10. Я не умею быть

Нора наблюдает за тем, как Маркус снимает вещи с рейла и кладёт их в огромный чемодан. У Норы в руках толстый чёрный дневник, похожий на книгу.

НОРА. Ты не носишь эту рубашку...

Маркус не реагирует на реплику Норы, продолжает собираться.

НОРА. Мог бы сказать раньше...

МАРКУС. Я пытался сказать целую неделю... Но у тебя было подавленное состояние и я не мог выбрать момент.

НОРА. Мы с института мечтали жить вдвоём! Вместе завтракать, лежать под одним одеялом и слушать немецкую попсу, таскать вещи друг друга...

МАРКУС. А потом ты вышла замуж. *(Пауза.)* Прости. *(Пауза.)* Отношения не могут топтаться на месте. Они должны развиваться.

НОРА. Они и так развиваются.. во времени!

МАРКУС. Причём тут время? Мы с Дэниелем встречаемся уже год. Я взрослый дядька. У меня борода седая. Я хочу семью.

НОРА. У тебя нет бороды.

МАРКУС. Иногда мне кажется, что ты не имеешь никакого отношения к художественной литературе, Нора. Это метафора! Короче.. Отношения должны развиваться в своей... своей...

НОРА. Ты даже не можешь сформулировать!

МАРКУС. Потому что ты не даёшь мне это сделать!

НОРА. Хорошо, я буду сидеть тут молча и смотреть, как ты собираешь свои вещи, чтобы меня оставить.

МАРКУС. Ты не маленькая девочка, Нора. Тебя нельзя оставить или забыть.

НОРА. Я переехала сюда из-за тебя! Живу тут, как подросток в свои тридцать семь, стою в очереди, чтобы помыться в душе...

МАРКУС. Ты переехала сюда, чтобы не сидеть в голом одиночестве в квартире, где всё напоминает тебе сама знаешь о чём. О ком.

НОРА. А тут я сижу в одетом одиночестве?

МАРКУС. Нора, идёт второй год! Пора вставать на ноги! Жизнь не может остановиться!

НОРА. Вообще-то, Маркус, жизнь ежедневно останавливается у тысяч людей! Война, стихийные бедствия, эпидемии, утрата близких...

МАРКУС. Какие ещё эпидемии, Нора?

НОРА. Ковид, птичий грипп, жёлтая лихорадка, обезьянья оспа!

МАРКУС. Хватит использовать боль чужих людей как оправдание проблем в своей жизни!

НОРА. Чтоо? Это я использую боль чужих людей?!

МАРКУС. А что ты делаешь? Ты даже к психологу не пошла!

НОРА. Ты знаешь, какая нагрузка сейчас у психологов? Беженцы, эмигранты, раковые больные...

Маркус щёлкает пальцами перед лицом Норы.

МАРКУС. Ты забыла упомянуть пострадавших от глобального потепления!

НОРА. Я пытаюсь поговорить с тобой серьёзно! (*Шёпотом*). И, да, между прочим лесные пожары и наводнения являются прямым следствием глобального...

МАРКУС (*пребивая*). Объясни мне, как твои страдания помогают беженцам?

НОРА. Я нахожусь с ними в одном... страдательном поле.

МАРКУС. Прекрасно! Я хочу выйти из этого страдательно поля, если позволишь...

НОРА. Просто ты — самовлюблённый эгоист с пониженным уровнем эмпатии.

Маркус замирает со штанами в руках.

МАРКУС. Знаешь, я начинаю понимать Отто...

Нора замолкает. Кусает кожу на запястье.

МАРКУС. Прости!

Нора молчит.

МАРКУС. Я не это имел в виду!

Нора молчит.

МАРКУС. Я сказал глупость, я часто говорю глупости. Прости!

НОРА. Нет, ты имел в виду именно это.

МАРКУС. Да нет же, просто у меня дырявый рот.

НОРА. Рот дырявый у всех. В этом концепция рта.

МАРКУС. У меня он дырявый.. особенно. И про акулу я наврал.

НОРА. Про какую акулу?

МАРКУС. Мою мать не ела акула. Я злился на неё, потому что она бросила нас с отцом, потом встретила другого мужика и второго сына тоже назвала — Маркус. Минус Маркус плюс Маркус равно Маркус. Очень удобно. Короче, когда она умерла, у меня случился такой приступ злости, что я наврал про акулу. А ещё у всех были такие драматичные истории...

НОРА. Мы дружим двадцать лет и ты мне никогда не рассказывал про своего брата. Что я за друг такой, если мне ничего нельзя рассказать?

МАРКУС. Господи, Нора! Ты тут совершенно ни при чём!

Нора молчит. Маркус молчит.

НОРА. Не уезжай, пожалуйста! Я не умею быть одна!

МАРКУС. У меня своя жизнь, Нора.

НОРА. Живи её тут, на виду. Я буду за ней приглядывать.

МАРКУС. Нора, мир большой. В нём восемь миллиардов людей. Ты обязательно найдёшь своего человека. Может быть, это произойдёт само собой. Без приложений.

НОРА. Я забыла, как выглядят голые мужчины, Маркус.

МАРКУС. Сходи на Чёртово озеро, вспомнишь. Раньше ты плавала там каждое лето.

НОРА. Это всё из-за меня? Это потому что я забираю все кружки в свою комнату?

МАРКУС. Не всё в этой жизни из-за тебя, Нора!

Нора молчит.

НОРА *(после долгой паузы)*. Отто так не считает.

МАРКУС. Что?

11. Добро пожаловать в

Грюневальд. Нудистский пляж возле озера. Нора в синем платье, с красным рюкзаком на плечах идёт мимо голых людей, лежащих в траве, на спине и на животе. Они парные и не парные, волосатые и не очень, юные, зрелые и старые. Она проходит мимо единственного одетого парня: он в чёрном костюме и рубашке сидит под деревом с ноутбуком. Нора проходит мимо, останавливается и возвращается к нему. От неожиданности замирает. Идёт к нему, достаёт из рюкзака пляжное полотенце, стелет на траву и ложится. Полностью снимает платье, остаётся голой.

НОРА (парню в костюме, кивая на рюкзак). Посторожите?

Парень, не поднимая головы, кивает. Голая Нора окунается в озеро и тут же выходит из воды. Достаёт из рюкзака тоненькую тетрадку. Читает. Мужчина украдкой смотрит на неё из-за ноута. Долго не решается заговорить.

ХАММАД. Можно поинтересоваться, что вы читаете?

НОРА (поднимая глаза). Шопенгауера.

ХАММАД (старательно глядя Норе в глаза, но невольно опускаясь ниже) Какой-то современный писатель?

НОРА Вроде того. (зачитывает фрагмент). Нора считает, что жизнь — это интересно. Ей интересно всё — её сумасшедшие писатели, друзья, бабка из соседнего дома, которая собирает на балконе плюшевых медведей, дети наших друзей, новые виды спорта, законы физики, жизнь животных... Я анестезиолог, я знаю, что самая искренняя улыбка — это улыбка человека, которого погружают в медикаментозный сон, когда он забывает на короткие минуты о самом себе, о своём прошлом, настоящем и будущем. Я коллекционирую такие улыбки.

Нора кладёт распластанную тетрадку лицом вверх.

ХАММАД. Как вас зовут?

НОРА. Нора.

ХАММАД. Так же, как героиню в романе?

НОРА. Да, вот такое интересное совпадение...

ХАММАД. Очень приятно, Хаммад. В пушту, кстати, не принято использовать слово «тассадуф» — совпадение, случайность. Все говорят «эттефак» — гармоничное взаимодействие.

НОРА. Пушту?

ХАММАД. Я из Пакистана. Мой друг сказал, чтобы понять Берлин, нужно приехать сюда. Я приехал.

НОРА. И как?

ХАММАД *(старательно глядя Норе в глаза, но невольно опускаясь ниже)*. Впечатляет.

НОРА. Расскажите про гармоничное взаимодействие. Мои взаимодействия всегда заканчиваются... слово наоборот к слову гармоничный?

ХАММАД. Хаотичный? Конфликтный?

НОРА. В точку. Все мои взаимодействия заканчиваются конфликтами. Неразрешимыми конфликтами. Так чем отличается совпадение от гармоничного взаимодействия?

ХАММАД. Совпадение — это то, что кажется.

НОРА. Интересно.

ХАММАД. Вещи только притворяются совпадениями внешне несвязанных и случайных явлений. На самом деле все совпадения свидетельствуют о закономерностях, предопределённых Создателем.

НОРА. И ты веришь в это?

ХАММАД. Не знаю. В Коране даже имя бога почти всегда написано в одном и том же месте в строке. Так, что можно провести сквозную линию.

НОРА. Но есть исключения?

ХАММАД. Где-то оно стоит правее или левее.

НОРА. Божественная гармония даёт сбой?

ХАММАД. Это чтобы те, в ком не достаточно веры, думали, что это тассадуф, случайность.

НОРА. А во что веришь ты?

ХАММАД. В то, что мир полон гармоничных взаимодействий. Я не знаю в этом городе никого. Я приехал три дня назад. В моей стране за это могут повесить...

НОРА. За что?

ХАММАД (*Оглядывая голых людей вокруг*). За оскорбление пророка Муххамеда своей наготой полагается смертная казнь. За однополые отношения полагается смертная казнь. За прикосновение христианки к кувшину с водой, из которого пьют мусульмане полагается смертная казнь. За то, что ты быстро выходишь замуж после развода — смертная казнь. За то, что ты быстро женишься, только что овдовев — смертная...

НОРА. .. Казнь. Я поняла принцип. (*Молчит*). Звучит не очень.. гармонично.

ХАММАД. Ты подошла ко мне первая. Это не может быть случайностью. Ты особенная, я вижу.

НОРА. Я обычная. Пойдёшь купаться?

ХАММАД. Пойду.

Хаммад встаёт в costume.

НОРА. Ты собираешься купаться в costume?

ХАММАД. Ну да.

НОРА. Нет, так не пойдёт. Снимай свой costume. Всё снимай. Это не Исламабад. Это Берлин. Культура свободного тела, слышал?

ХАММАД. Отвернись пожалуйста.

Нора отворачивается. Хаммад снимает с себя одежду, остаётся в одних часах.

ХАММАД. Иди первая, я за тобой.

Нора заходит в воду, следом за ней Хаммад. Они плывут.

ХАММАД. Аллах, какая холодная!

НОРА. Двигайся! Не останавливайся!

ХАММАД. Теплеет! (*Пауза*). Тепло! (*Пауза*). Не могу поверить! Я плыву... в озере... голый... с девушкой...

Начинается дождь.

ХАММАД (*кричит*). Под дождём!

НОРА. Добро пожаловать в Берлин! Раскидывайся звездой, вот так.

Нора ложится на спину, распластав по поверхности воды руки и ноги. Хаммад повторяет за ней.

НОРА. Свобода лучше Аллаха, правда?

ХАММАД. Свобода и есть Аллах.

Молчат.

НОРА. А как плавают в Пакистане?

ХАММАД. Одетые. С верблюдами.

НОРА. (*Показывая пальцем на небо*). Смотри, радуга!

Молчат.

ХАММАД. Я люблю тебя, Нора!

НОРА. Что?

ХАММАД (*кричит*). Я люблю тебя!

НОРА (*кричит*). Ты перепутал любовь со свободой, Хаммад!

ХАММАД. Ты моя судьба, Нора. Это самый настоящий “эттефак”! Меня чуть не убили в Исламабаде. Я работал в правительстве, в национальном банке. У меня всё было хорошо. У меня был дом. Профессия. Деньги. Очки. Часы. Верблюд. У меня был верблюд! Я вышел на протест за Имрана, потому что он играет в крикет. Люди жгли костры, срывали дорожные знаки, кидали камни. Имран это наш премьер-министр. Плохой человек не может играть в крикет, Нора. Ты моя судьба!

НОРА. Вы играете в крикет, потому что вас научила Британская империя, Хаммад! Это мышление жертвы! Жертвы колониализма!

ХАММАД. Это судьба! И радуга, и дождь, и это озеро, и ты, это “эттефак”!

НОРА. Нет, Хаммад, это “тассадуф”! Мир состоит из “тассадуфов”! Люди, которых приговаривают к смертной казни за другую религию или участие в протесте это “тассадуф”! Они могли бы приговорить тебя! Люди, которые умирают во время войны это “тассадуф”! Люди, которые рождаются в диктатурах это “тассадуф”! Люди, которых убивают мужья это “тассадуф”! Люди, которых сажают в тюрьмы за позицию это “тассадуф”! Это всё миллионы несправедливых совпадений и случайностей, в которых нет никакой гармонии!

ХАММАД. Ты просто пока не поняла. Ты скоро поймёшь, Нора. Мы заведём с тобой много детей. Это “эттефак”!

Нора, что есть сил, плывёт к берегу.

ХАММАД. Нора, куда ты? Подожди!

Хаммад плывёт за Норой, но Нора плывёт быстрее. Она уплывает от Хаммада. Доплывает до берега, выходит из воды.

НОРА (*кричит с берега*). Это всё “тассадуф”! Только, когда человек сам уходит из жизни — это “эттефак”!

Голая нора хватается за дневник и убегает глубоко лес.

12. Лучший день, чтобы умереть

Грюневальд. Голая Нора под деревом читает дневник Отто.

НОРА (читая вслух). У нас в реанимации есть небольшая фильмотека для пациентов. Стоят книжные шкафы с DVD-шками и каждый может принести что-то из дома — пополнить коллекцию. Их смотрят пациенты в ожидании серьёзных операций, связанных с риском для жизни. Сегодня кто-то принёс туда сиквел боевика с Брюсом Уиллисом. Всё бы ничего, только на коробке написано название крупными красными буквами: “Хороший день, чтобы умереть”. Я сначала хотел найти хозяина, устроить скандал, но потом решил, что в этом что-то есть... Бывают хорошие дни для смерти, а бывают — плохие. И всегда лучше уйти вовремя.

Я спас много жизней. Но одну, по своей вине, не уберёг. Кровопотеря — тридцать два литра, не смогли катетер подшить к вене. Мужчина остановился на столе. Сердце. Плановый пациент, не экстренный. Вливали, он терял, мы снова вливали — он снова терял. Я поставил его на вечер, выбрал не тот препарат, недооценил риски. Это был плохой день, чтобы умереть. Ему было всего сорок два, у него была жена и собака. Я три дня бухал после этого. Мы, анестезиологи, чёрствые люди, но тогда меня размотало.

Нора ходила вокруг, заглядывала в глаза, пыталась утешить, бесила жутко. Нельзя укрываться одеялом спокойствия, будешь убивать пациентов дальше. Надо это прожить. Всё надо проживать. Она, конечно, хотела как лучше, просто не понимала этого. Она вообще многого не понимает. В книжках — понимает всё, а в жизни — не очень. В протоколе помощи в экстренных ситуациях чётко написано, что нужно вернуть человека в реальность, объяснить, что случилось, не скрывать ничего, не забалтывать. Как при острой кровопотере — чтобы выжить, нужно оставаться в сознании.

А я будто уже не в нём. Я видел столько смертей, что люди не вызывают во мне жалости. Нора носится с беженцами, на Хаупбанхофе волонтерит, тащит кого-то в дом, а я не чувствую ничего. Полная седация. Не та, под которой возникает легкость от приятной утраты прошлого и остановки мыслей, когда человек ещё сам способен к дыханию, а тотальный наркоз, когда нужно вентиляцию подключать. Всех перетряхивает от острых чувств, а я пустой.

Я вспоминаю иногда дни, когда я был полный. Прокручиваю в голове знакомство с Норой. Как я шёл по Мауэрпарку в воскресенье, продирался через людей на блошке и вдруг увидел, девушку, что меряет розовое платье перед зеркалом. Холодно, октябрь, а она стоит и пытается застегнуть молнию на спине, оборачивается, видит меня и просит помочь. У меня защекотало внутри от того, как легко она позволила незнакомому мужчине, то есть мне, прикоснуться к своему телу. Я сам не умею просить о помощи.

Мне кажется, я делаю её жизнь тоскливой. Она тащит меня в походы, на выставки, знакомит с новыми людьми, пританцовывает посреди дороги, поёт в машине, плачет, начитавшись новостей. А я плетусь за ней с неприятным лязгом, как консервная банка. Существование выносимо, только когда я его не замечаю. Может быть, тогда лучше совсем не существовать?

Я бы не хотел, чтобы она запомнила меня как скучного мужчину с оплывшим лицом, который запивает шнапсом каждую операцию. Может быть, моя смерть развлечёт её, раз я сам уже не могу?

Нора кричит под деревом.

13. Я уже ничему

Нора заходит в абсолютно пустую комнату Маркуса, садится на пол. У неё на ногах — синяки и царапины. Она сидит какое-то время молча. Стук в дверь. В комнату заходит Лена.

ЛЕНА. Я зайду?

НОРА. Ты уже зашла.

ЛЕНА. Слушай, тут такие дела...

НОРА. Давай.

ЛЕНА. Я уезжаю в Минск.

НОРА. Понятно.

ЛЕНА. Не хочешь спросить, зачем?

НОРА. Зачем?

ЛЕНА. Мы с Викой будем искать Пашку.

НОРА. С Викой?

ЛЕНА. Да, с его девушкой.

НОРА. Вы теперь заодно?

ЛЕНА. Я предложила ей встретиться. Она живёт в Варшаве. Мы решили встретиться посередине, в Познани. Ты знала, что покровитель Познани — апостол Павел? Мы с Викой решили, что это знак.

НОРА. Круто.

ЛЕНА. Я, представляешь... я не знаю, как объяснить. В общем, я... влюбилась.

НОРА. Я уже ничему не удивляюсь. В кого?

ЛЕНА. В Вику.

НОРА. Прекрасно, теперь вам не нужен мужик.

ЛЕНА. Мы едем в Минск, чтобы спасти Пашку.

НОРА. Как вы собираетесь его спасти из тюрьмы?

ЛЕНА. Мы хотим чтобы его обменяли на шпиона, который сидит в Польше. Это Вика предложила! Она очень умная!

НОРА. А твоя Вика случайно не агент?

ЛЕНА. Какой агент?

НОРА. Обыкновенный.

ЛЕНА. Вика? Ты что! Нет! Как ты могла такое подумать? Вика?! Да быть не может! (Пауза). Какой-то бред!

Молчат.

ЛЕНА. Ты расстроилась, потому что я влюбилась первой тебя?

Слышен звук открывающейся двери, какие-то весёлые голоса — мужской и женский.

НОРА. У нас гости?

ЛЕНА. Это парень Сабины, Ариф. Ты что, не знаешь?

НОРА. Неа.

ЛЕНА. Она познакомилась с ним на израильском митинге в поддержку Палестины.

НОРА. Это как?

ЛЕНА. Ой, это долго объяснять. В Берлине, сама знаешь, чего только не бывает.

НОРА. Это точно...

ЛЕНА. Он ночует у нас уже третий день, ты что, не заметила?

НОРА. Неа.

ЛЕНА. Ну вот. Как-то так. Ладно, я пойду вещи собирать.

НОРА. Тоже, наверное, уедет скоро.

ЛЕНА. Кто?

НОРА. Сабина. *(Пауза)*. И я останусь одна.

ЛЕНА. Может быть, это к лучшему? Я называю этот период — межмужичье. У меня последнее межмужичье давно было. Знаешь, как хорошо. Я всегда такая креативная в эти периоды, такая заряженная. Столько проектов у меня, друзья, подружки, танцы, амбиции. Ты не пытайся его скипнуть, ты его проживай.

НОРА. Хорошо.

ЛЕНА. Я пошла. У меня завтра два автобуса и один поезд.

НОРА. Будь там поосторожней, ладно?

ЛЕНА. А что ты читаешь? *(Присмотревшись)*. И почему у тебя синяки на ногах?

НОРА. Упала с велика.

Лена целует Нору в щёку, Нора сидит неподвижно. Уходит. Нора смотрит в одну точку на стене. Достает телефон, набирает в гугле “безболезненный способ умереть”.

14. Это не то, что вы

Грюневальд. Голая Нора с дневником под мышкой пытается найти дорогу к метро. Вдруг видит повесившегося на дереве мужчину. Он висит спиной, его голова опущена.

НОРА. Отто! Отто?

Нора огибает дерево — мужчина оказывается манекеном с подушкой вместо головы и глазами-пуговками. На нём висит табличка: “Lieber tot als Sklave. Kapitalismus abschaffen!” (“Лучше умереть, чем жить рабом. Долой капитализм!”)

НОРА. Ёбаные активисты! Ёбаные перформеры! Ненавижу! Ненавижу этот город! Ненавижу тебя, Отто!

Нора залезает на дерево, обдирает о его кору ноги, снимает куклу. Дубасит её. Мимо проходят удивлённые люди. Один молодой человек останавливается, с интересом наблюдает за Норой. Подходит девушка, начинает снимать Нору на телефон. Приходят новые и новые люди, они аплодируют Норе.

НОРА. Это не то, что вы подумали! Это не перформанс!

Толпа аплодирует.

НОРА. Идите домой!

Кто-то кричит “Браво!”

НОРА. Не всё, что происходит в этом городе — перформанс, понятно?

Кто-то кричит “Гениально!”

Нора бросает куклу, просит жестами ветровку у молодого человека из толпы, под аплодисменты он отдаёт ей куртку, Нора одевает её и убегает.

15. Для тех, кто

Беременная Нора с кружкой чая сидит перед зрительным залом.

НОРА. “Это ещё не конец”. Это первое, что я говорю людям, которые приходят сюда.

Нора улыбается и всматривается в лица.

Привет, я Нора. И я умею делать вот так.

Нора ставит чашку чая на живот, чашка не падает, держится. Все смеются.

Это группа поддержки для тех, чьи близкие ушли из жизни по своей воле. Для тех, чьи близкие растворились в воздухе. Для тех, чьи близкие приняли решение, которое привело их к смерти. Для тех, чьи близкие изменились до неузнаваемости. Для тех, чьи близкие перестали быть близкими. Для тех, у кого нет близких. Для тех, кто... я могу перечислять вечно. *(Отпивает из кружки)*
Здесь мы учимся принимать решения других людей. Принимать обстоятельства.
Принимать свой гнев. Принимать потери.

Тишина.

Вы знаете что-нибудь про Берлинский синдром? Нет? *(рассматривает людей в зале)*. Есть Иерусалимский синдром — это когда люди приезжают в Иерусалим, заматываются в простыню и идут в центр города, проповедовать. Есть Парижский синдром — когда вы впервые приезжаете в самый лучший город на земле, а вам все хамят и постоянно идёт дождь, и вот вы уже начинаете думать, что это заговор против вас. Есть Стокгольмский, уже про него-то, наверное, знают все... А есть Берлинский синдром — это когда... *(Пауза)*. Знаете, я хочу для начала послушать ваши варианты... Как вы думаете, что такое Берлинский синдром?

август, 2024

КОНЕЦ